

Олег Михайлов. М., 1990. 12. Эйхенбаум Б. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974.

Статья найдена до редколлегии 12.II.90

Summary

The genre originality of the "Country" by Bunin appears as a synthesis of traditional and new traits. The epic, historic and civic characters bind the narrative with the traditions of the classics. Their renovation is embodied in intensification of personality source, associativeness and segment structure of narration.

И.Д.Альберт, доц.,
Львовский университет

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ И.А.БУНИНА "ДЕРЕВНЯ"

Проблема жанра, его природы и разновидностей, жанрообразования, типологии, эволюции жанров и стилей, привлекает постоянное внимание литературоведов [10; 15; 16; 17 и др.]. Есть немалые успехи в изучении этих вопросов, однако трудные и спорные проблемы существуют, что особенно касается жанра повести, ввиду его промежуточности, "гибридности" /между романом и рассказом/. Повесть в начале века интенсивно вовлекалась в процессы жанрового обновления и взаимодействия. Все это определяет целесообразность изучения тех или иных образцов этого жанра.

Анализ повести Бунина "Деревня" в аспекте жанровой специфики оправдывается не только этапным значением этого произведения и для писателя и в развитии реализма начала века; данный аспект представляется, кроме того, наиболее сложным, рождающим спорные суждения. Притом исходным в настоящем анализе служит отношение к жанру как типу художественной системы, попытка учесть его целостность и взаимосвязанность всех элементов, из которых в качестве главных выделяются идейный замысел, сюжетно-композиционная основа, характеры, образность.

© Альберт И.Д., 1993

Задумав повесть как книгу о деревне, Бунин постепенно расширяет границы замысла, рождается тема "всей русской жизни" [6]. Россия мыслится как страна деревенская в истоках и развитии*. В центре внимания — страна и народ, современность и история, быт и нравы, фольклор, литература, психология, мораль, воспитание, отношение к государству, революции, природе, хозяйству, собственной судьбе и многое другое. Громадный и сложный материал требовал емкой жанровой структуры, более емкой, чем повесть в своих традиционных рамках. По этому пути и направляется писательский поиск.

Сюжет "Деревни" предельно прост, хроникален. Но система событий в их логически-временной и причинно-следственной связях не совпадает с сюжетной основой. В повести три части: первая посвящена в основном Тихону, вторая — Кузьме, в третьей на первый план выдвигается сама Дурновка, и сливаются воедино две сюжетные линии.

Как в первой, так и во второй главе, Бунин использует прием путешествия. Событийный план развивается изолированно в каждой из глав, в них можно выделить кульминацию /душевные кризисы, пережитые Тихоном и Кузьмой/. Кульминацией и одновременно развязкой завершается третья глава /свадьба Молодой и Дениски/. И хотя есть возможность проследить общую канву событий, сквозной сюжетный стержень четко не обозначен. Трудно вычлениить и традиционные сюжетные элементы, относящиеся ко всей повести**. При ослабленности внешних связей между частями повествования его целостность определяется единством концепции, героев, художественной структуры.

Кузьма и Тихон — действительно главные герои "Деревни"; сосредоточившие в себе и вокруг себя ее основную проблематику***. И стяжатель Тихон, энергичный, угрюмый, властный, и правдоискатель Кузьма, добряк, поэт, мечтатель, — натуры истинно русские, возвращенные

* "Да она вся деревня...", — заявляет философ-самоучка Балашкин [1, т. 2, с. 70].

** Бунин подчеркивает самостоятельность глав: "Я бы очень хотел, чтобы каждая из них начиналась с новой страницы..." [5].

*** Ввиду замечания Бунина: "Главное в этой повести — не столько персонажи, сколько весь уклад, весь быт русской жизни" [6], Н. В. Тимохина отводит образам братьев Красовых в основном служебную роль [20]. Думается, нельзя обеднять значение этих образов, противопоставлять их фону.

русской почвой, родной средой, укладом, нарисованные, по выражению Горького, "с подлинным верно". Да и трагическая нескладница их судеб связана с судьбой народа, определена общим уровнем жизни. Потому-то и вывод Тихона - "Пропала жизнь, братуша!" [I, т. 3, с. 125] - получает расширительный, почти символический смысл и /хотя сам Тихон и не понимает этого/ звучит как призыв к реализации высокого человеческого предназначения, к этическим и нравственным ценностям. Привычному фатализму, возводящему в абсолют пагубное воздействие среды на личность, автор противопоставляет глубокую и смелую мысль о нравственной ответственности каждого и перед собственной судьбой и перед историей; он чувствует зависимость государственного устройства и будущего страны от нравственного уровня общества, строя народной жизни*.

Жанровое своеобразие "Деревни" во многом определяется установкой на изображение быта. То, что прежде служило чаще всего лишь фоном, у Бунина несет важную социально-нравственную нагрузку. В потоке будней главным образом реализуется сюжет его повести. Считая будни самой трагической стороной народной жизни /"А в этой жизни страшней всего было то, что она проста, обдана, с непонятной быстротой разменивается на мелочи..." - I, т. 3, с. 70/, обычно замалчиваемой в литературе, Бунин по сути полемизирует в своей книге с народниками и неонародниками, "изобразителями сусальной Руси" [I, т. 9, с. 267], с модернистской мистической трактовкой народа в России.

Писатель ориентировался на традиции Л.Толстого и Гл.Успенского. "Только их изображения я считаю ценными для себя" [4, с. 320]. Если традиции Толстого определяли подход к психологической структуре народных характеров, то у Гл.Успенского Бунина привлекает анализ экономических и нравственных, религиозных и психологических устоев народной жизни. С его же традициями, очевидно, связано пренебрежение приемами литературной занимательности, своеобразный сюжетный аскетизм, черты очерковой манеры. Но художественный поиск Бунина выходит за рамки преемственности: изображение им потока будничной жизни, максимально приближенное к ее естественному те-

* "Мы еще не думали о России как о целом - это произведение указало на необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически", - писал о повести Горький [9, с. 53].

чению, определялось его настойчивым стремлением преодолевать сюжетную и вообще всякую литературную условность⁴².

Взаимопроникновение родов и жанров, характерное для литературы XX в., всего заметнее отразилось в повести. Это видно и в "Деревне". В ней есть черты, сближающие ее с романом: две главных и несколько побочных линий, крупный план в изображении главных героев; их характеров, судеб, с кризисами и внутренней борьбой, картина жизни страны в момент революционного потрясения, в связях истории и современности. Это дает повод для суждений, что в "Деревне" "органично соединились особенности жанра повести и романа" [18, с. 25]. Но правомочно ли — даже с учетом переходных явлений — отбирать у этого произведения право на жанровую определенность? Тем более, что и незавершенность жизненных историй героев, и неразрешенность конфликтов, и простота фабулы, и другие структурообразующие признаки жанра повести в "Деревне" превалируют. Вопрос в том, как удастся писателю в традиционные рамки жанра вместить содержание столь значительной концентрации.

Присущий Бунину "дар ритма и синтеза" /отмеченный Рене Гилем [8] / проявляется в соединении больших кусков повествования в организации художественного материала. Два повествовательных пласта в "Деревне": изображение быта и нравов и лирические историко-философские монологи братьев [14] нельзя расчленить без ущерба для художественной целостности. Тем более невозможно отделить от изображения жизни реакцию на нее героев.

Каждая из трех глав повести показывает реальность новыми гранями, в новых связях. В первой главе по пути Тихона на ярмарку и домой возникает картина "великой нищеты и великого убожества деревни" [2, т. 5, с. 12], сплавленная с отражением глухой, подспудной работы в сознании героя. В общую картину убогих будней вписано изображение мужицкого бунта, неожиданно начавшегося, в один день окончившегося по всему уезду, ничего не принесшего в Дурновку, по мысли автора, кроме ярости и невероятной путаницы понятий⁴³. Неизбежно нарастает тревога в душе Тихона, происходят мрачные события /смерть Родьки, позор Молодой/, нагнетаются зловещие предчувствия, отмечаясь в страшных пророчествах Макарки, во властном и грозном

⁴² "Мне хочется писать без всякой формы, не соглашаясь ни с какими литературными канонами..." [7, с. 47].

⁴³ "...Поорали дурновцы, побезобразничали, да и смолкли..." [2, т. 5, с. 23].

пени нищего: "Расплатится мать сыра-земля, разрыдается" [I, т. 3, с. 51].

Во второй главе русская жизнь, данная сквозь призму восприятий Кузьмы, не ограничена пределами Дурновки; здесь и уездный город, и стольный Киев, здесь Кузьма вступает в общение с разными людьми — мужиками, мещанами, рабочими, дворянами. И предстают не только будни, но и праздник — революция, а там и горькой похмелье — репрессии, погромы. Именно в этой главе от темы Дурновки Бунин переходит к теме России, ее прошлого и настоящего. Сложнее и неотступнее с картинами действительности связана мысль и душевные метания героя, страдающего вместе с автором книги от бед русской жизни.

Масштабы повествования, расширяясь во второй главе, в третьей вновь сужаются. Читатель возвращается в Дурновку, где встречаются и спорят братья, ведут исповеднические беседы, размышляют о жизни, не случайно: здесь истоки истоков, основа основ русского бытия. В третьей главе звучат гневные обвинения строю, допускающему превращение русской деревни в "царство голода и смерти" [2, т. 5, с. 125], и обнажаются во всей остроте глубокие противоречия социального и исторического мышления Бунина. Как образ широкого обобщения рисуется Серый, в нем фокусируются главные идеи бунинской концепции русской жизни, в том числе и о связи нищего быта с безвольными, спутанными характерами. Вот что стоит на пути России к прогрессу, по мысли Бунина. Отвергая революцию, не веря в ее способность разорвать порочный кругооборот жизни, Бунин видит единственное спасение в духовном просветлении личности и народа, о чем и тоскуют, сами того не осознавая, русские люди в его повести.

Финал третьей главы и всей книги — свадьба Дениски и Молодой, на фоне метели, "буйной темной мути" [I, т. 3, с. 132]; сквозь мрак которой не разглядеть даже человеческих лиц... Заканчивая повесть на этой зловещей ноте, образом, являющим сплав конкретики с обобщенной символикой /метель — хаос; опасность/, писатель придает композиции произведения разомкнутый характер, вовлекая читателя в "додумывание...: судеб, идей и вопросов" [19, с. 33].

Особенности внутренней структуры "Деревни" определяются и самобытностью образов и спецификой их соединения друг с другом. Это касается больших образных единиц и малых "кирпичиков", из которых возводится "здание". Представляется возможным выделить в повести ведущие принципы ее внутренней организации, вытесняющие традиционные структурные признаки жанра /последовательное развитие событий,

строгую соразмерность всех звеньев сюжета и др. / — это сегментная⁸⁶ или фрагментарная композиция и ассоциативность, т.е. образно-смысловая связь.

При слабо обозначенном центральном сюжете в повести существенно возрастает значение внесюжетного материала⁸⁷, усиливающего концентрированность и емкость ее содержания. Именно внесюжетным материалом воссоздается жизненный фон, на котором показываются судьбы братьев⁸⁸. Но это не просто фон. Мужики, нищие, странники, ночные сторожа /многих из них стремится понять, разгадать Кузьма/ со своими речами, поступками, настроениями — все вместе — это образ живой, многоликой народной России, взбудораженной революцией.

Уже отмечалась важность для Бунина традиций Гл.Успенского. Последний замечал, что его очерки "должны показаться беспорядочными, мечущимися с предмета на предмет", ибо такой представляется и сама русская действительность, особенно деревенская. Но, несмотря на это, писатель верил, что жизнь все-таки идет "вперед... к правде, к торжеству ее..." [21, с. 595-596].

Беспорядочность, случайность господствуют в сцеплении сцен, эпизодов, сплетении контрастов в "Деревне". Как у Успенского, в этом — отражение авторской жизненной концепции. Но Бунин, свободный от народнических иллюзий Успенского, одновременно лишен и его демократической веры в народ; потому-то наблюдаемые вокруг хаос, отчаяние он возводит в некий абсолют, самой структурой повествования подчеркивая гибельную неустроенность русской жизни.

Тяготение к образам многозначной и масштабной символики /образ метели, платок, истасканный наизнанку, как символ понапрасну загубленной жизни/, с одной стороны, и к щедрому бытописанию, изобилию живых и разнообразных подробностей обстановки, быта, с другой — характерные приметы стилистики "Деревни". Отмеченная многими, в том числе Горьким [9, с. 49], перегрузка повествования деталями быта, этнографизмом, как правило, служит не только воспроизведению объективных реалий, жизненного фона, но и передает атмосферу, пси-

⁸⁶ Л.И.Кожмякина считает сегментность типологическим свойством построения бунинской прозы [13, с. 18].

⁸⁷ Приведем характерные высказывания исследователей: "...собрание двух больших рассказов о ...Красовых и коротких новелл о мужиках" [II, с. 18]; "ткань... повести состоит из маленьких... законченных сцен и картин" [20, с. 45].

⁸⁸ Среди эпизодов, внешне независимых от сюжета, назовем встречу с мужиком у пруда, истории Ваньки Красного, Однодворки, Иванушки, Блыха, Акима, украинских крестьян с Черниговщины и др.

холодию, эмоции. Так, к примеру, как в этом отрывке: "Навоз, моча, дождь, - все слилось и образовало густую коричневую жижу. Свиры грязно-серой волнующейся массой сбились в один угол... Кабаны болезненно, настойчиво ныли и урчали... - Скука... - подумал Тихон Ильич" [I, т. 3, с. 44]. От скуки, злобного томления Дениска избивает Серого, проезжие мецане совершают надругательство над Молодой бесчинствует Макарка... Жестокие события - часть быта, порождение его вязкой, засасывающей власти.

Ассоциативность как доминанта внутренних связей открывает новые возможности постижения мира и человека. Прорываясь сквозь оболочку случайности в сегментной структуре повести, можно уловить взаимозависимость будничных явлений и общих основ жизни, связь быта, экономики и культуры, психологии и поведения. С помощью отбора и сопоставления деталей, временных сдвигов, ретроспекции. обыденность словно "подсвечивается" изнутри светом философского, исторического, нравственно-эстетического опыта. Задерживая внимание на частностях, подробностях, лицах, поступках, воссоздавая атмосферу грязной и скучной жизни, насыщая ее тревожными и бестолковыми слухами о войне, земле, революции, автор развивает и многократно повторяет важные для него идейные мотивы о Руси без хозяина, о смешении великого и убогого в настоящем и прошлом народа, о стихийной противоречивости национальной психики, об иррациональной власти прошлого, о бессмысленной гибели русских людей, задавленных уродливым бытом, и об их неистребимой жажде любви, гармонии, духовности.

Концентрированная уплотненность повествования в "Деревне" возникает за счет многослойных напластований. В повести диалектика души сливается с диалектикой поведения, и этот сплав включается художником в картину действительности. К примеру, во второй главе образная ткань - это сращение духовной жизни Кузьмы /в которой сиюминутные впечатления вызывают образы прошлого, события 1905 г. - сложный комплекс политических и этико-философских раздумий/ с широкой картиной действительности. Тревожные метания героя от одного неразрешимого противоречия к другому, людские толпы, шум голосов, яростные споры - вся эта сумятица вышедшей из берегов жизни сообщает лихорадочный ритм повествованию. Основной его компонент - внутренний монолог, близкий к формам несобственно-прямой и косвенной речи, трудноуловимые переходы от объективного к экспрессивно-оценочному изображению и наоборот.

Опираясь на ассоциативно-смысловые сцепления, логико-ритмические повторы, их внушающее воздействие, соединяя образы по принципу нагнетания или контраста, автор то усиливает чувство безысходности жизни под властью пещерного быта, то вносит в мир Дурновки свет человечности, красоты.

Характерное для русской прозы начала столетия тяготение к лиризации повествования сказалось на жанровой специфике "Деревни". Правда, сам Бунин заявлял: "В "Деревне" ни грусти, ни лирики нет и в помине..." [6]. Нельзя ни пренебречь этим суждением, ни полностью принять его*.

Бунин прав, говоря, что его повесть написана "очень просто, очень объективно, очень реально" [6]. В ней господствует вещная, предметная датель, прямое, а не метафорическое значение слов, изобразительный план. На наш взгляд, в структуре повествования доминирует, конечно, эпическое начало. Однако разрушение традиционной эпичности совершается в результате ее взаимодействия со специфическими проявлениями лиризма.

"Антилирическая" ориентация автора проявилась в работе над разными редакциями повести. Видно, как Бунин "глушил" лирику. При последней правке он вычеркнул, например, такие строки: "И порой, под вечер, подолгу стоял там кто-нибудь из мужиков, задумавшись и заглядевшись в поле, держа за плечами плетушку с колосом" [2, т. 5, с. 102], вписанные в картину тоскливой осени с одинокой птахой на былинке. От редакции к редакции ободнялся в лирическом плане образ Молодой: "Какой /тяжелый/ могильный камень лежит на ее скрытой /странной/ душе. // И как случилось то, на что решилась она, обезумевшая от ненависти к Родьке, от лютых побоев, от жажды любви, — может быть, и от поруганных чувств к нему, Тихону Ильичу, — и от своего позора, от страха, что Родька, наконец, узнает про этот позор...//**

Автор отстраняется от лирического внимания в мир, далекий от норм красоты и человечности. Но откуда же тогда этот мощный эмоциональный напор, о котором так прекрасно сказал Горький?*** Активиза-

* В статье Р.С.Спивак [18] убедительно говорится о "синкретизме" родовой структуры повести, менее доказательно — о законах лирического сюжета, по каким соединяются эпические картины. Л.В.Иезуитова неоправданно, на наш взгляд, определяет жанр "деревни" — "повесть-поэма" [12].

*** Подчеркнутые слова опущены в редакции 1915 г. [2], взятые в скобки — при подготовке издания в "Петрополисе"/Берлин, 1934/ — [3].

**** "Дорог мне... скромно-скрытый, затаенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за все и все это — ново" [9, с. 53].

ция субъективного начала, внутренняя страстность выражается и в лирико-публицистических монологах Кузьмы, Тихона, и в двуплановости повествования, в насыщении эпического начала многозначным эмоционально-смысловым содержанием посредством оценочного акцента, контекстных ассоциативных сближений. Слитность физического и душевного, острота "душевного зрения" характеризуют портретные и пейзажные зарисовки. Природное для Бунина всегда неотделимо от человеческого и оттого от его пейзажей чаще всего веет удручительной душевной неустроенностью, реже — великолепие их красок контрастирует с тоской будней. Подчас и сама интонация становится формой выражения авторского чувства.

"Деревня" была симптоматичным явлением в жанровом отношении как синтез традиционных и новых признаков. Единство авторской идейной концепции легло в основу "механизма" преобразования и уплотнения жизненного материала, объединения разрозненных сцен, эпизодов, очерков, характеров в художественное целое. Не совпадая с романной протяженностью во времени и пространстве, с романной всесторонностью, "Деревня" вобрала содержание, близкое к роману. В ней отразилась потрясенность старого уклада и человеческого сознания как симптом катастрофической ситуации в стране. Социально-гражданский пафос повести неотделим от традиции, как и эпическая масштабность, суровый реализм. Но налицо и трансформация традиций, обновление завещанной классиками эпичности. Интенсификация личностного начала, рождающего непривычные формы сюжетостроения и стиля, сращение изобразительного и лирического планов, бытописи и аналитизма, публицистики и экспрессивной символики — все это вместе определяет типологический и одновременно своеобразный характер жанровой природы "Деревни".

1. Б у н и н И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965—1967. 2. Б у н и н И.А. Полн. собр. соч. Пг., 1915. 3. Б у н и н И.А. Собр. соч. Берлин, 1934. Т. 2 /С правкой автора/. Рукописный отдел ГВИЛ, ф. 218, № 772. 4. Б у н и н И.А. Письмо Н.С.Клестову //Новый мир. 1956. № 10. 5. Б у н и н И.А. Письмо издательству А.Ф.Маркса //Рукописный отдел ГВИЛ, ф. 360, оп. 1, д. 16. 6. Б у н и н И.А. Интервью /К-ский. О новой повести Бунина//Одесский листок. 1910. 12 марта. 7. Б у н и н И.А. Письмо Н.Пулешникову. В большой семье. Смоленск, 1960. 8. Г и л ь Р е н е. Письмо И.А.Бунину, 1921 г. //Б а б о р е к о А. И.А.Бунин: Материалы для биографии. М., 1967. С. 203. 9. Горьковские чтения. 1958—1959. М., 1961. 10. Д о л г о п о л о в Л.К. На рубеже двух веков //Русская повесть XIX в. Л., 1973. 11. З а б е л и н И.В. Идеино-художественная проблематика и стиль повести Бунина "Деревня". Иркутск, 1965. 12. И з з у и т о в а Л.А. Роль семантико-композиционных повторений в создании символического строя повести-поэмы И.А.Бунина "Деревня" //Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. Л., 1980. 13. К о ж е м я к и н а Л.И. Сюжетно-композиционная организация рассказов И.А.Бунина 1900—1910-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тоски,

1983. 14. Крутикова Л.В. "Деревня" Бунина // Учен. зап. Ленинград. ун-та. Л., 1960. Вып. 68. 15. Развитие реализма в русской литературе. М., 1974. Т. 3. 16. Синенко В.С. Проблемы жанра и стиля. Уфа, 1971. 17. Соколов А.Г. Введение // Из истории русского реализма к XIX-началу XX в. М., 1986. 18. Спивак Р.С. Жанровая структура в "деревне" И.А. Бунина // Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. Л., 1985. 19. Твардовский А.Т. О Буине // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 1. 20. Тимохина Н.В. Композиция повести И.А. Бунина "Деревня" // Русская литература XX в.: Советская литература. М., 1972. 21. Успенский Я. Гя. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 9.

Статья надійшла до редакції 20.06.90

С у м м а р у

The aesthetic N.Leskov's and I.Shmelev's texts is considered in the context of "poetic prose", item as the fragments of traditional narration for which the tendency to rhythmic organization, metaphoric, synthetic, lyricism and musicality are characteristic features.

Such approach to the analyse of short novels of Leskov and Shmelev demonstrate their aspiration to the philosophic comprehension of the world, to the ideal spiritual values.

М.С в е н ц и ц к а я, соискатель,
Донецкий университет

ПОЭТ И ВРЕМЯ В "ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ"

А.АХМАТОВОЙ

"Поэма без героя" стоит особняком в творчестве А.Ахматовой. Она заняла прочное место среди глубоко почитаемых, но слабо читаемых произведений. Поэма всегда считалась ребусом, и по вполне понятным причинам. Ведь многие из действующих лиц либо погибли, либо были брошены за колючую проволоку; "третьи, седьмые, двадцать девятые смыслы" [1, с. 431] поэмы воспринимались как желание автора резко и навсегда отсечь попытки властей предрежащих найти в поэме "крамолу". По-видимому, здесь корни и традиционной литературоведческой трактовки ее как шифра, который необходимо разгадать, чтобы докопаться до истинного содержания произведения [7, с. VI].

© Свенцицкая М.С., 1993